Связные ролики Войны

Статья не является каким-то серьезным исследованием на заданную тему. Это всего лишь попытка рассказать о подвиге советских связистов по материалам, найденным в Сети. По началу, я хотел назвать статью "Маршал Связи", но в процессе написания решил исправить. Но главным действующим персонажем все же будет маршал. Посвящается "Дню Радио" и Дню Победы.

Речь пойдет о народном комиссаре связи Пересыпкине Иване Терентьевиче, о котором уже как-то вспоминалось на страницах Nag.ru в одном из "Телекомиксов". А вся статья - это выдержки с небольшими историческими поисками из его книги "А в бою еще важней..."

Нарком Пересыпкин в итоге оказался очень занимательным человеком. Уж только один факт, что маршал войск связи, заместитель наркома обороны, лично пишет статью в научно-популярный журнал "Техника Молодежи" (см. "Телекомикс: Оружие Победы") говорит о том, что это человек неординарный. А прочитав мемуары, убеждаешься, что даже на такой должности связист остается связистом. В книге довольно много интересных историй, фактов и размышлений. Весьма рекомендую для прочтения и осознания того, что пусть профессия связиста и не столь романтична, как, например, профессия летчика, не столь массова, как пехота, не столь мужественна, как десантные войска или морская пехота, но это важнейшая армейская профессия, без которой все перечисленные роды войск всего лишь разрозненные подразделения. А вот Связь делает армию Армией: боеспособной, управляемой и грозной силой, которая победила в Великой Отечественной войне.

Итак, Иван Терентьевич Пересыпкин родился в 1904 году, в селе Протасово Орловской губернии, в простой крестьянской семье. С 13 лет он пошел работать на ртутную шахту отгребщиком. Отравленный ртутными испарениями, работавший там же, отец Ивана Терентьевича умер, когда сыну было полтора года. В 1919 году вступил в Красную Армию, участвовал в Гражданской войне (Южный фронт). Получается, что тогда ему было 15 лет.

В 1924 году (в 20 лет) окончил Военно-политическую школу. С 1925 года служил в эскадроне связи 1-й кавалерийской дивизии.

Красноармеец И. Т. Пересыпкин, 1923 год (прошу прощения за качество фото - если кто-то найдет более высокое разрешение, тут же заменим).

Отслужив в 1-ой Запорожской кавалерийской дивизии Червонного казачества более восьми лет, в 1932 году поступил учиться в военную электротехническую академию Красной Армии.

Политрук эскадрона 2-го кавалерийского полка И. Т. Пересыпкин. 1927 год

Историю поступления описывает так:

Когда меня, комиссара эскадрона связи, неожиданно назначили и командиром этого эскадрона, я сразу почувствовал нехватку знаний. Пантелеймон Романович Потапенко (известный красный командир, дебошир и матерщинник - прим. автора) в это время исполнял обязанности командира дивизии. Мы стояли в летних лагерях в местечке Меджибож, в тридцати километрах от Проскурова. В душный вечер он вызвал меня в свою палатку и, сидя в расстегнутой гимнастерке, объявил приказ о моем назначении, сказав при этом коротко, но категорично:
— И вот что, — Потапенко оглядел Пересыпкина, — учиться тебе надо, хлопец... Ты на нас, таких, как я, не смотри... Знаю: уважаете меня, а многие и подражают... А в чем подражать? Ну конем владею! Ну в атаку бойцов повести! Пожалуй, сейчас и дивизией командовать смогу. Так то сейчас, а через пять, десять лет?.. Все мы такие вот, как я, или честно должны уйти, или тормозом станем. Я ведь и матерюсь иной раз почему? Слов не хватает. А должно хватать...

Тогда я решил начать серьезно готовиться к поступлению в военную академию.

Сегодня военная электротехническая академия РККА называется "Военная академия связи имени маршала Советского Союза С.М. Буденного", Санкт-Петербург.

Окончив в 1937 году командный факультет и получив звание капитана, Пересыпкин был назначен военным комиссаром научно-исследовательского института связи Красной Армии. Не успел он как следует освоиться на этой работе, как получил новое назначение — военным комиссаром Управления связи Красной Армии.

В феврале 1938 года, будучи по делам у наркома обороны К. Е. Ворошилова, Пересыпкин получил неожиданное предложение — занять пост начальника Управления связи Красной Армии. Ворошилов пригласил начальника Генштаба Б. М. Шапошникова, и тот поддержал его предложение. Пересыпкин был уверен, что не сможет справиться сразу с таким объемом работы. Он так прямо и сказал, но Ворошилов настаивал. Тогда Пересыпкин предложил назначить его заместителем начальника Управления связи, чтобы освоить столь широкие масштабы деятельности.

Иван Терентьевич получил звание полковника в 33 года. Как так получилось - Пересыпкин не пишет. Есть мнение, что это связано с кардинальными чистками в высшем военном составе. Молодой, подающий надежды специалист, член ВКП(б) с 1925 года, кавалерист, проскочил мимо чисток, а на кадровом голоде высшего командного состава сделал очень быструю карьеру. А вот его бывший командир Потапенко - чисток не избежал. Пантелеймон Романович был расстрелян в 1937 году, в числе 220 комбригов, репрессированных по приказу Сталина. В 1938 году перестал существовать и 1-ый кавалерийский полк червонного казачества, где начинал службу Пересыпкин.

Но настоящий карьерный взлет состоялся 10 мая 1939 года, когда Пересыпкина в 10 часов вечера срочно вызвали в Кремль к И. В. Сталину. Очевидно, вождь любил работать по ночам.

"Сталин был одет в легкий светло-серый шерстяной костюм военного покроя. На нем были мягкие черные сапоги без каблуков, которые обычно носят горцы на Кавказе. В его руках была знаменитая трубка. В кабинете находился Молотов.
Поздоровавшись и внимательно посмотрев мне в лицо, Сталин неожиданно для меня сказал:
— Мы решили назначить вас народным комиссаром связи. Как вы к этому относитесь?"

Иван Терентьевич засомневался тогда в собственных силах, кстати. Такое назначение для спеца (в то время ударение ставили на первый слог - спЕца), проработавшего менее двух лет после окончания академии и не командовавшего ничем больше эскадрона связи кавалерийской дивизии, показалось слишком ответственным. Но со Сталиным спорить было опасно — "партия сказала надо".

— Что касается масштаба работы, который вас пугает, то это ничего. Мы вам поможем.
Я пытался что-то сказать, шел за ним следом, но Сталин снял трубку телефона и, набрав номер, сказал кому-то: "Наркомом связи назначаем Пересыпкина. Завтра опубликовать в печати". Он повернулся ко мне".

Так в 34 года Пересыпкин стал Народным комиссаром связи. Вот как он описывает свое вхождение в должность:

Я поехал на улицу Горького, 17, на Центральный телеграф *(тот самый "телеграфный замок" - прим. автора)*, где находился Наркомат связи. Никто меня не встречал, не сопровождал и не представлял, но сотрудники Наркомата уже все знали из газет, и поэтому, предъявив свое удостоверение, я прошел в кабинет народного комиссара связи.

Долгое время пустовавший кабинет выглядел холодно и неуютно. На огромном полированном столе, на подоконниках, на стульях лежали следы пыли. Мой предшественник перестал работать в этом кабинете полгода назад.
Я сидел за огромным столом с пустыми ящиками и засохшими чернилами в тяжелой мраморной чернильнице: нужно было начинать работу.

Нарком связи СССР И. Т. Пересыпкин

Самым сложным в своей работе молодой нарком считал экономические вопросы организации связи, что немудрено. Пересыпкин был прежде всего солдатом:

До того как меня назначили наркомом, я в экономических вопросах был полным дилетантом. Меня учили быть солдатом, учили командовать, стрелять, хорошо сидеть в седле. Это было в Проскурове. Потом в Ленинграде в академии надо было сдавать экзамены по общей тактике, по организации связи. Я слушал лекции профессора В. А. Крейчмана, профессора Н. С. Бесчастного, сдавал экзамены по дифференциальным уравнениям профессору Иоанникию Феодосеевичу Ладону, писал диплом, а теперь надо было учиться снова. Учиться считать народные деньги.

При том, что связь в СССР перед началом войны не считалась первоочередным делом - сравните: План ГОЭЛРО, всесоюзные стройки класса Днепрогэс, всесоюзные же школы ОСОАВИАХИМ. Про развитие техники и технологии связи в довоенное время почти и не вспоминали.

А еще, предшественники Пересыпкина в должности наркома связи Берман и Халепский были буквально на днях расстреляны. Причем, если Халепский хоть что-то понимал в производственных вопросах, будучи до 1917 года телеграфистом, то Берман с 1918 года был деятелем ЧК-ОГПУ, а с 1932 года и вплоть до назначения наркомом - начальником ГУЛАГа. Все четыре предшественника Пересыпкина на этом посту были расстреляны и практически делами не занималась, ибо в сроки от назначения до суда не более полугода сделать что-либо просто невозможно.

Хозяйство связи нашей страны было тогда нерентабельным, и правительство каждый год выделяло связистам большие средства из государственного бюджета. Я понимал, что борьба за рентабельность будет важнейшей задачей на ближайшие годы и мне надо знать, что сколько стоит.

И наркому это удалось вполне успешно. Уже в следующей главе Пересыпкин пишет, что:

Неспециалисту трудно представить содержание, характер и масштабы работы почтовой связи в нашей стране. В сороковом году наша почта перевезла и доставила почти 2500000000 (2,5 млрд.) писем и свыше 6,5 миллиарда газет, журналов и других периодических изданий. В ведении наркомата было свыше 51 000 предприятий почтовой связи. А что касается рентабельности, то эти предприятия приносили свыше 60 процентов дохода.

При Пересыпкине была построена первая в Мире трансконтинентальная линия связи, протяженностью более 9000 километров:

Тридцать девятый год ознаменовался крупной победой отечественной техники связи. Было закончено строительство и началась нормальная эксплуатация междугородной телефонной магистрали Москва — Хабаровск. Магистраль в 9 тысяч километров протянулась на Дальний Восток через Урал, Сибирь, Забайкалье по 18 краям и областям нашей страны. Эта линия позволила нам по двум парам проводов иметь 29 каналов связи с перспективой увеличения их до 36. До этого такого количества каналов связи по двум парам проводов еще не встречалось в мировой практике, и это нас бесконечно радовало. Связисты построили и реконструировали более девяти тысяч километров линий, подвесили 35 000 километров медной проволоки, смонтировали много усилительных пунктов, которые были оборудованы новейшей аппаратурой.

В общем, Сталин не ошибся в данном кадровом решении. Пересыпкину за неполные три предвоенных года удалось практически невозможное: СССР наконец-то связал свои обширные территории коммуникациями. В мемуарах имеется довольно много интересных историй, связанных с управлением и менеджментом. Рассказывается про то, как нашли собственную "стахановку-телеграфистку", которая могла обрабатывать до 3600 слов в час на аппарате Крида (телетайпе). Есть история про нерабочие таксофоны с выводом о необходимости контроля качества услуг. Рассказы про то, что главным на почте является конверт, и про региональные различия узлов связи, и про то, что совещания нужно проводить раз в неделю, великолепны. Еще раз отсылаю к первоисточнику - истории действительно интересные и написаны вполне живым языком.

Но началась Война...

Известие о начале Войны Пересыпкин получил по дороге в Прибалтику, куда был отправлен личным приказом Сталина - нужно было проверить кадры местных органов связи. Выехали 21 июня 1941 года в специальном вагоне, прицепленном к поезду Москва - Вильнюс. Спать легли поздно и проснулись уже в Орше, когда в вагон вошел местный связист с телеграммой на имя заместителя наркома связи СССР Г. А. Омельченко. Тот взял телеграмму, прочитал и, недоуменно пожав плечами, передал ее Пересыпкину.

В телеграмме говорилось: "Связи изменением обстановки не сочтете ли вы нужным вернуться в Москву". Непонятный текст имел еще более непонятную подпись: "Пересыпкин".
— Что за чертовщина? — теперь уже недоумевал Пересыпкин. — И почему подписана моей фамилией? Что за изменение обстановки? Может, вы что-нибудь знаете? — спросил он доставившего телеграмму связиста.
— А разве вы ничего не знаете? Началась война. Сегодня утром Германия напала на СССР.

Позже выяснилось, что телеграмму сочинил первый заместитель Пересыпкина К. Я. Сергейчук, справедливо решивший, что не следует открыто передавать о том, что в поезде Москва - Вильнюс едет нарком связи СССР.

Начало войны для войск связи было не менее разгромным, чем для остальной армии - точно также бойцы попадали в окружение, сдавались в плен, теряли оборудование. Тем паче, что на территорию Союза были высажены диверсионные группы СС, первоочередной задачей которых было нарушение линий связи.

Представьте себе, как половина страны в один день, 22 июня, начинает пытаться связаться с другой половиной, чтобы рассказать о своих планах на эвакуацию. А теперь представьте, что из Москвы в Хабаровск существует только 36 линий связи, по каждой из которых можно передать максимум 3000 слов в час. Из западных территорий СССР передать уже в принципе что-либо было невозможно - линии передач либо портились диверсионными группами, либо целенаправленно бомбились авиацией.

2 июля 1941 года начальник штаба Западного фронта генерал-лейтенант Г. К. Маландин обратился в Генеральный штаб с телеграммой:

“...Части связи 3, 4 и 13-й армий имеют потери от 50 до 100 процентов. Прибывшее управление 16-й армии потеряло свой батальон связи при изменении маршрута следования. Части Народного комиссариата связи не отмобилизованы.
Для выполнения плана операции необходимо подать из центра четыре линейных батальона связи фронта, восемь линейных батальонов армейских управлений, кабельно-шестовые, телеграфно-эксплуатационные и телеграфно-строительные роты в количестве, предусмотренном планом развертывания”.

Очухались только через месяц. Причем, главным решением Сталина по наведению порядка стало назначение Пересыпкина одновременно заместителем наркома обороны СССР и начальником Главного управления связи Красной Армии.

"*Вечером 22 июля я неожиданно был вызван к Сталину... В приемной вождя находился начальник Управления связи Красной Армии генерал-майор Н. И. Гапич... Сталина доклад генерала не удовлетворил... он объявил Гапичу об освобождении от занимаемой должности. Генерал вышел из кабинета, а со мной состоялся краткий разговор. Сталин заявил, что начальником Управления связи назначаюсь я с сохранением за мной и поста народного комиссара связи СССР. Помимо этого я стал и заместителем наркома обороны*"

Что конкретно сделал Пересыпкин в начале войны:

1. Приказ об эвакуации и развертывании промышленных предприятий, выпускающих оборудование

связи, кабеля и проволоки. Перевод на казарменное положение всех работников отрасли.
2. Строительство и развертывание крупных узлов связи для военных нужд неподалеку от крупных городов. Это позволило сократить потери в личном составе и оборудовании, поскольку бомбежке подвергались в первую очередь узлы связи в городах.
3. Организация ремонтно-восстановительных бригад в каждом крупном военном соединении и создание отдельных батальонов связи численностью до 500 человек.

“...объединение и централизация руководства военной и гражданской связью было подсказано самой жизнью. Во время войны пришлось решать многие сложные задачи бесперебойной связи как на фронте, так и в тылу, нужно было ликвидировать пресловутые ведомственные барьеры, мобилизовать все имевшиеся в стране силы и материально-технические ресурсы связи, которых, к слову говоря, было не так уж много”.

В книге содержится множество историй о мужестве и героизме сотрудников ведомства. В одной короткой статье невозможно привести все, но вот одна из историй:

В последние дни июня (1941) в наркомат позвонила дежурная телефонистка междугородной телефонной станции города Пинска. Сильно волнуясь, она торопливо говорила:
— Наши войска оставили город. На улицах немецкие танки. На них кресты. Я их вижу в окно. А никого из наших начальников нет. Что мне делать?
Даже в таких опасных условиях скромная телефонистка, фамилия которой долгое время оставалась для меня неизвестной, не оставила служебный пост, сумела связаться с Москвой и информировать о создавшейся обстановке. Но что мы могли ей ответить? Поскорее уходите из города и присоединяйтесь к своим.

Отдельная история про "радиобоязнь". Если читатель думает, что сумасшедших, начитавшихся бульварных газет про "опасность электромагнитного излучения", не было ранее, то это не так. Причем, радиобоязнь поражала высших командиров РККА: бытовало мнение, что противник с помощью радиопеленгаторов может с большой точностью определить место расположения пунктов управления по работающим радиостанциям.

Доходило до того, что командиры прямо заявляли, что не признают никакой другой связи, кроме проводной. Но поскольку иной раз организовать проводную связь на местности, находящейся в зоне ожесточенных боев не представлялось возможным, такие командиры просто "сбрасывали" некоторые части с оперативного управления, что приводило к огромным потерям.

Пересыпкину удалось "победить" радиобоязнь только через самого Сталина. Ставка Верховного Главнокомандования приняла решение ввести личные радиостанции командиров и командующих. Где бы ни был командующий или командир — личная радиостанция всегда должна находиться при нем — так потребовала Ставка. Вместе с радистами на радиостанции обязательно должны быть офицер оперативного отдела и шифровальщик. Радиосвязь с помощью личных радиостанций организовывалась так, чтобы командир имел возможность связаться со старшим начальником, с подчиненными войсками и со своим штабом.

Причем, чтобы доказать что фашисты не могут запеленговать все радиостанции и пришлось ставить задачу разведке Армии добыть "языка" из высших чинов войск связи Вермахта. Задача была выполнена и было выяснено, что в Берлине при главном штабе германских вооруженных сил действительно существовал центр радиоподслушивания, высший орган, ведающий радиоразведкой.

Руководил этим центром генерал Фельдгибель (летом 1944 года был отстранен от должности за то, что принимал участие в организации покушения на Гитлера).

Центру радиоподслушивания были подчинены 8 радиоразведывательных полков. На русском фронте находилось 6 таких полков. О том, что представлял собой радиоразведывательный полк, рассказал пленный обервахмистр, австриец по национальности. Его показания были следующими:

"*Я служил, — показывал обервахмистр, — в 4-м радиоразведывательном полку, который состоял из 5-й и 6-й стационарных радиоразведывательных групп, 621 роты дальней радиоразведки и 964 роты ближней радиоразведки.*
621 рота состояла из взвода подслушивания (70 человек), взвода дешифровки, где служили люди с высшим математическим образованием, питомцы Геттингена, прошедшие специальную подготовку в Берлине. Во взводе дешифровки их было 20 человек. Был еще взвод переводчиков (30 человек) и взвод обработки данных радиоразведки, который состоял из высших слоев интеллигенции.

621 рота действовала первоначально в Африке отдельно от 4-го полка. В районе Эль-Аламейна. Командир роты капитан Себон, то ли желая выслужиться, то ли по молодости лет, взял и ввел роту в бой как пехотное подразделение. Рота была захвачена в плен англичанами вместе со всей аппаратурой, за что капитана Себона заочно предали суду и приговорили к расстрелу. Затем роту

перебросили на Восточный фронт, где работать стало значительно труднее.

Работа русских радистов во многом отличалась от работы англичан. Русские часто меняли радиоданные, применяли специальные пароли, работали на больших скоростях. Все это затрудняло перехват радиопередач и подслушивание русских радиостанций...”

Одним словом, для обеспечения задачи по прослушиванию и пеленгации радиостанций противника у немцев просто не было ни соответствующих сил, ни оборудования, ни технологий. Задача по обеспечению секретности связи решалась, во-первых, шифрованием сообщений, а во-вторых, массовым использованием радиосвязи. В итоге, немецкие службы радиоперехвата просто захлебывались в массиве данных, который в отсутствии вычислительной техники просто невозможно было корректно обработать. И чем больше станций работало в эфире, тем труднее приходилось противнику.

Хочу привести еще одну историю из мемуаров Пересыпкина, благодаря которой, собственно статья получила название. Речь идет уже о Сталинградской битве. В Волгограде есть вот такой памятник, который называется "Ролик":

(Коллеги из Волгограда, большая просьба - сходите/съездите в длинные выходные на остров Людникова, поклонитесь Героям и сделайте приличное фото этого мемориала - в Сети практически нет фотографий).

А история следующая. Я привожу фрагмент из мемуаров другого участника событий - полковника Ивана Ильича Людникова, Героя Советского Союза, командира 138 стрелковой дивизии, именем которого и назван этот волжский остров. Мне так не написать - для этого нужно пережить и увидеть все собственными глазами:

Представьте себе глубокий овраг, раструбом выходящий к Волге. Его суглинистые стены круты. По самому верху оврага — огневые точки, блиндаж, позади — глубокая траншея, ведущая вглубь немецкой обороны. Гитлеровцы наверху, а под ними, в нишах двух отвесных стен оврага, засели четыре наших бойца — по два в каждой нише. Это связисты промежуточной телефонной станции. Их позывной — "Ролик". Приказа на отход "Ролик" не получил и действовал, поддерживая одностороннюю связь. Провод, соединявший нас с дивизией Горишного, немцы порвали. Старшему на "Ролике", младшему сержанту Кузьминскому, подчинялись три бойца — Ветошкин, Харазия и Колосовский.

Когда на левом фланге дивизии противник вышел к Волге, Кузьминский связался с нами по телефону и сообщил, что видит фашистов, стреляет по ним и к берегу не подпускает. А немцы были не в силах выкурить “Ролик” из ниш. Попробовали даже опустить на наших связистов взрывчатку, но Кузьминский и его бойцы срезали веревку огнем автоматов, и взрывчатка, пролетев мимо, никому не причинила вреда.

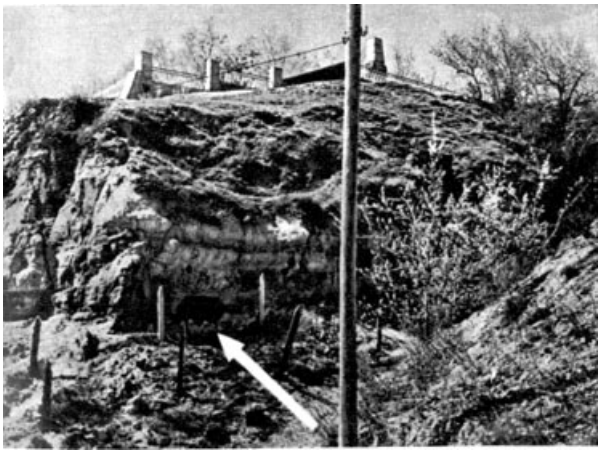
Кузьминский бодро докладывал:
— Нам нужны патроны да харчи. "Ролик" будет вертеться!

Один из связистов пробивался ночью в штаб дивизии, получал необходимые запасы и возвращался к себе. Для "Ролика" мы не жалели патронов и продуктов. У "Ролика" нас разъединили с соседней дивизией, и "Ролик" соединил нас с нею.

Сорок дней и ночей выдерживали четыре связиста необычную осаду, и их пример воодушевлял всех бойцов дивизии. Когда "Ролик" замолкал, на душе становилось тревожно, но опять слышалась стрельба из расщелины оврага, и наши солдаты радовались:

— "Ролик" не сдался! "Ролик" вертится! "Ролик" стреляет!..

Мне удалось найти фото тех лет:



Стрелкой указана та самая пещера, где скрывался "Ролик".

Можно было и остановиться на этой фотографии, но история Маршала Связи не окончена. Иван Терентьевич лично выезжал на фронт 21 раз, непосредственно участвовал в битве за Москву, Сталинградской битве, Курской битве, в освобождении Украины, Белоруссии, Прибалтики. Генерал-лейтенант войск связи (27.12.1941). Генерал-полковник войск связи (31.03.1943).

Воинское звание маршал войск связи присвоено 21 февраля 1944 года. Пересыпкин был первым обладателем этого звания. Кроме того, Пересыпкин, наряду с авиатором А. Е. Головановым, стал самым молодым обладателем звания маршала рода войск — в 39-летнем возрасте.

Член Центральной ревизионной комиссии ВКП(б) (1945—1952). Начальник войск связи Сухопутных войск (1945—1957). С 1958 года — военный инспектор-советник в Группе генеральных инспекторов Министерства обороны СССР.

Депутат Верховного Совета СССР (1946—1950). Избран в Совет Союза через Стерлитамакский избирательный округ № 336. Жители города Ишимбая и Макаровского района встретились со своим кандидатом в депутаты 21 января 1946 года в клубе им.С.М. Кирова.

Умер в возрасте 74 лет, 12 октября 1978 года. Похоронен на Новодевичьем кладбище в Москве. Теперь уже просьба к москвичам - хотелось бы фото надгробия Маршала. Не поленитесь.

Еще одна история, которую привожу исключительно в целях иллюстрации, как связисты работали во время Войны:

Осенью 1942 года создалась очень тяжелая обстановка со связью на южных направлениях.

Телеграфную связь Москвы со штабом Закавказского фронта, располагавшимся в районе Тбилиси, пришлось осуществлять по далекому обходному пути — через Куйбышев, Оренбург, Ташкент, Ашхабад, Красноводск, по телеграфному кабелю через Каспийское море, Баку и Тбилиси. Можно себе представить, с какими трудностями приходилось поддерживать телеграфную связь на такой длинной трассе. Телефонная связь в то время на этом направлении совершенно отсутствовала. Чтобы обеспечить устойчивую связь Генерального штаба с войсками, действовавшими на Северном Кавказе, и с Закавказьем, осенью 1942 года Государственный комитет обороны принял решение срочно построить постоянную линию вдоль южного побережья Каспийского моря общей протяженностью 1315 километров.

Для решения этой важной задачи в районе строительства было сосредоточено шесть отдельных батальонов связи. Все оборудование, линейные материалы, телеграфные столбы были завезены из глубины страны. Так, например, для строительства только новых линий связи требовалось около 15 тысяч столбов. Они были доставлены к месту строительства морским путем из Астрахани на специально выделенных для этой цели судах. Строительство этой важной телеграфно-телефонной магистрали осуществлялось в трудных географических и климатических условиях, во время

проливных дождей и разлива горных рек.

Возглавлял строительство опытный связист полковник И. А. Павлюченко, его заместителем был старший батальонный комиссар Н. А. Чукин, главным инженером — военный инженер 2-го ранга М. П. Балашов. Весь личный состав, участвовавший в строительстве закаспийской телеграфно-телефонной магистрали, хорошо понимал важность поставленных задач и отдавал все свои силы и умение для успешного их разрешения. Было построено 784 километра новых и реконструирован 531 километр существовавших линий, смонтировано 5 усилительных пунктов. Столь большой объем работ был выполнен в рекордно короткий срок — за двадцать восемь дней.

Благодаря новой магистрали установилась устойчивая телефонная и телеграфная связь Москвы с республиками Закавказья и советскими войсками, действовавшими на Северном Кавказе и дислоцировавшимися в Иране.

В Узбекистане и Туркмении осуществлялось другое, не менее трудное и важное строительство — подвеска телефонных проводов, необходимых для улучшения телефонной связи на линии Москва — Тбилиси. Об этом строительстве мне напомнил рассказ старого одесского связиста В. Д. Шевкопляса.

После окончания Великой Отечественной войны мне пришлось быть в Одессе, в этом чудесном черноморском городе. Там я встретился с местными связистами. Мы собрались в их клубе, зал был переполнен. Рядом со связистами, убеленными сединой, сидели девушки и юноши. Ветераны пришли, чтобы вспомнить о подвигах одесских связистов и трудовых буднях в прошлом, молодежь — чтобы послушать их и рассказать, как она трудится сейчас. Это была волнующая и очень интересная встреча.

На этом собрании выступил В. Д. Шевкопляс. Он начал так.

— О многом можно было бы рассказать, — говорил Шевкопляс, — но в данном случае я напомню только об одном задании, в выполнении которого мне пришлось принимать участие. В конце сентября 1942 года мы вместе с уполномоченным Наркомата связи при Совнаркоме Узбекской ССР А. Е. Калюжным, доктором технических наук П. Акульшиным и еще пятью инженерами были вызваны к первому секретарю Центрального Комитета партии Узбекистана Юсупову. Вызов в ЦК был связан со строительством новой телеграфно-телефонной магистрали Ташкент — Ашхабад — Кизыларваг.

Товарищ Юсупов рассказал собравшимся у него специалистам, что есть решение Государственного комитета обороны и задание Наркомата связи, которое надо выполнять. Затем он спросил: "Сколько времени потребуется для осуществления: этого строительства?"

Измеряя это задание масштабами мирного времени, специалисты ответили, что на это потребуется года три. Юсупов посмотрел на нас и объявил: "На осуществление этого строительства Государственный комитет обороны дал 45 дней".

Мы спросили его:
— А проект есть?
— Проекта нет.
— А материалы, оборудование и аппаратура имеются?
Снова последовал ответ: нет.
— А что же есть?

Секретарь ЦК с восточной улыбкой, внимательно посмотрев на нас, сказал:
— Вы есть.
— Да, — ответил Акульшин, — но от нас нельзя получить 900 тонн проволоки.

И опять с той же восточной улыбкой Юсупов сказал:
— Вы имеете большой плюс. Этот плюс — Советская власть. Все, что потребуется, Советская власть вам предоставит.

На этом разговор в ЦК закончился.

После того памятного разговора был немедленно создан штаб строительства, организованы строительные участки, назначены их начальники.
Шевкоплясу поручили возглавить участок Самарканд — Бухара — Чарджоу — Мары. Два пункта на территории Узбекистана, два в Туркмении.
В течение четырех суток эвакуированный из-под Москвы в Ташкент Кольчугинский завод, установивший под открытым небом оборудование, прокатал 900 тонн медной проволоки. В строительстве участвовали несколько линейных батальонов, воинские части, гражданские связисты.

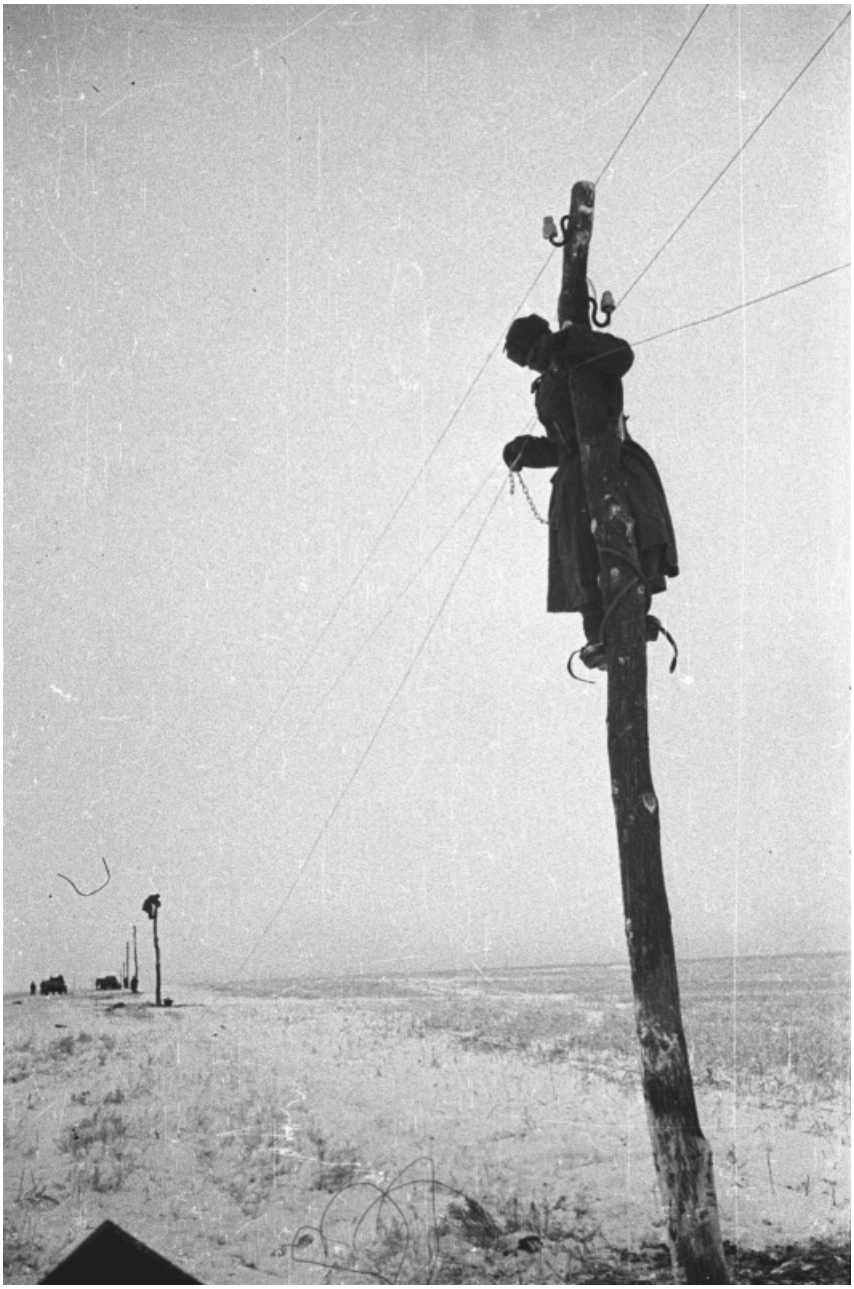
В. Д. Шевкопляс за эти же четыре дня побывал во всех четырех городах, подобрал нужные помещения, набросал эскизные проекты и организовал строительно-монтажные работы. Началась жаркая работа, ему пришлось руководить ею одновременно в 4 городах, поэтому неизвестно, когда он ел и спал. Но когда Шевкоплясу выпадали считанные часы на сон, то, как он говорил, ему снилось

только одно: какую работу вести завтра и как наилучшим образом использовать время. Он никогда не забывал, что строителям дан срок всего лишь 45 дней.

И вот это важное строительство закончено не за 45, а за 28 дней и ночей. Шевкопляс вспомнил тогда, о чем говорил секретарь ЦК и что означает "плюс Советская власть"...

И в завершение, несколько фотографий связистов времен Великой Отечественной войны:

Вот так налаживалась связь в Сталинграде:



Советские связисты тянут линию связи. Слева – ефрейтор И. Пичура, справа – рядовой А. Исаков.

Советские связисты прокладывают кабель на наблюдательный пункт

Советские радисты. Оригинальное название фотографии — «Звезда», я «Заря»..

Автор фото - Наталья Боде

Советские связисты прокладывают линию связи во время уличных боев в Тарту (Эстония). Август 1944

С Праздником, Коллеги!